

УДК 811.161.1'373

Подворотова В.В.*Московский государственный областной университет***СРЕДСТВА ВОПЛОЩЕНИЯ ТЕМЫ ПЛЕНА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. СИМОНОВА**

Аннотация. В данной статье на основе анализа единиц предикатной лексики, использованных К. Симоновым, раскрываются особенности представления темы плена в романах, рассказах и дневниковых записях писателя. Лексические единицы, характеризующие отношение двух противоборствующих армий к врагу, проанализированы с учётом их синтагматики, выявлены способы и средства отображения гуманного обращения к пленным в советском плену и антигуманного, жестокого обращения гитлеровцев к военнопленным красноармейцам и мирному населению. В статье дан развернутый лексико-стилистический комментарий, выявляющий взгляды писателя на острые вопросы военного времени, трагедию плена.

Ключевые слова: предикатная лексика, плен, военнопленный, гитлеровская армия, враг, эмоциональное поле 'трагедия', фашизм, военная проза К. Симонова.

V. Podvorotova*Moscow State Regional University***THE SUBJECT OF CAPTIVITY IN THE PROSE OF K. SIMONOV
AND THE MEANS OF EXPRESSING IT**

Abstract. In the present article, on the basis of the predicate vocabulary units' analysis used by K. Simonov, the peculiarities of captivity's theme representation in the novels, stories and diary notes of the writer are revealed. Lexical unit are analyzed with regard to their syntagmatics, describing the relation of two opposing armies to the enemy. We identified ways and means to display the humane treatment to the prisoners in Soviet captivity and inhuman, cruel treatment of the Nazis to prisoners of red army soldiers and civilians. The article gives a detailed lexical and stylistic comment revealing the writer's views on issues of war, the tragedy of captivity.

Keywords. Predicates, captivity, prisoner of war, the Hitler's army, enemy, the emotional field «tragedy», fascism, the war prose of K. Simonov.

Тема плена является одной из проблемных в оценке второй мировой войны – *Великой Отечественной* для живущих в России – не только исторической наукой, но и литературой XX века. Даже по прошествии почти семи десятков лет после Великой Победы нет однозначных ответов на множество вопросов, связанных с пленом. Тема плена в Советском Союзе была под запретом для исследований, большинство писателей не привлекала (ср.: «Судьба человека» М.А. Шолохова, «Когда крепости не сдаются» С.Н. Голубова, «Пропавшие без вестей» С.П. Злобина, «Это мы, Господи!» К.Д. Воробьёва, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана), но, тем не менее, она затронута в произведениях К. Симонова. Автор под-

нимает самые острые военные вопросы, но о плене рассказывает немного. Тема плена никак не обособлена, она понемногу проявляется, проступает на протяжении всего повествования о войне в разных его романах, рассказах, очерках и дневниковых записях.

Плен («1. Состояние, положение человека (участвующего в военных действиях или из мирного населения), захваченного неприятелем или задержанного властями враждебного государства и лишённого свободы на время войны; жизнь, пребывание в таком положении. Взять кого-н. в плен. Попасть в плен к кому-н. Убежать из плена. Держать кого-н. в плену. Во Францию два гренадера из русского плена брели. Михайлов (из Гейне). || перен. Вообще жизнь в неволе, рабстве. Отец в могиле, дочь в плену (похищена в гарем). Пушкин.» [8]) есть следствие военных операций. Войска, одерживающие победу, захватывают в плен противников. Чем крупнее сражение, тем больше попадает в плен солдат и офицеров.

Неопределённость числа пленённых становится в текстах писателя художественно значимой деталью реалистического повествования. В романе «Живые и мёртвые» для описания количества пленных К. Симонов использует лексемы *колонна* и *тысяча* (преимущественно во множественном числе). См. лексическое значение слов: *колонна* – «О людях, предметах, расположенных или движущихся друг за другом вытянутой линией» [7]; воен.: «Построение военных частей в порядке следования одной за другой» [8], *тысяча* – «перен. Неопределённо большое, очень большое количество» [8]. Это семантически обезличивает

понятие ‘пленный’, сближая трагедию одного с общей. Как известно, в 1941–42 годах гитлеровские войска захватывали в плен сотни тысяч красноармейцев, и, описывая события начала войны, писатель употребляет лексемы *колонна* и *тысяча* по отношению к советским солдатам: *тысячи* *взятых в плен наших, большую колонну наших пленных* *гнали через Смоленск...* [6, с. 220]. Также слово *колонна* употреблено со словом предикатной лексики *длинный*, усиленным наречием *нестерпимо*: *такие нестерпимо длинные колонны, как будто взяли в плен всю Россию...*, что позволяет показать масштабы военной трагедии – пленения. См. значение слова *длинный* – «Имеющий большую длину или протяжение» [8].

Рассказывая о событиях после перелома в ходе войны, автор уже говорит о *колоннах* и *тысячах* *взятых в плен немцев: в газетах всё время писали о тысячах и тысячах пленных [немцев], колонна немцев, способных передвигаться строили в колонны.* Однако К. Симонов делает акцент на численности пленённых немцев, называя цифры: *больше четырёх тысяч, сорок семь пленных, две тысячи семьсот пленных.* И даже такие небольшие числа, как *два (двое)* и *пять (двое пленных, пять пленных немцев)* очень важны для точности описания, потому что высока была цена перелома, потому что из каждого пленного фашиста составлялись впоследствии те самые колонны. Общее впечатление о большом количестве немецких военнопленных создают также повторяющиеся слова: глагол движения *идти*: *а немцы всё идут и идут...*; агентивное имя существительное *солдаты*: *а за ними опять солдаты, солдаты...*; неопределённо-

количественное числительное *много*: **много, очень много немцев**. В описании численности взятых Красной Армией в плен фашистов актуализируется компонент 'враг побеждённый'.

В синтагматике со словом *плен* автор употребляет такие лексические единицы, как: *оказаться, попасть, сдаться, задержать, захватить, взять, отбить, бежать, вернуться*. Глаголы *оказаться, попасть, сдаться, бежать, вернуться* характеризуют действия пленных. Семантика некоторых включает компонент 'превращения', 'изменения' [2]. См. значение *попасть* - «Оказаться, очутиться в каком-н. месте, положении, обстоятельствах» [7]; *оказаться* - «Внезапно очутиться где-н.»; *сдаться* - «Прекратив сопротивление, признать себя побеждённым» [7]. Ср.: *бежать* - «Спасти бегством» [8]. Глаголы *задержать* («Воспрепятствовать движению кого-чего-н., остановить» [7]), *захватить* («Силой овладеть кем-н.» [7]) и *взять* (несов. *брать* - «Овладевать чем-н., кем-н., захватывать» [7]) характеризуют агрессивные действия врага: *на линии фронта фашисты нас задержали* [3, с. 69], *командира батальона в плен захватили* [6, с. 335], *дома, уже взятые немцами...* [4, с. 30], *немцы... захватили мост* [5, с. 109], *станцию Чертково взяли* [6, с. 226]. А глагол *отбивать* («Вернуть себе с силой, с боем» [7]) отражает процесс освобождения армией своих солдат из вражеского плена.

В первом романе трилогии «Живые и мёртвые» глаголы *оказаться, попасть* использованы писателем преимущественно по отношению к красноармейцам, пленённым фашистами. А уже во второй и третьей частях, от-

ражающих события после победы в Сталинградской битве, наиболее часто употребляется глагол *взять* по отношению к немецким солдатам и офицерам: *Паулюса в плен взяли, пленных взяли, взято больше тысячи пленных*.

В произведениях К. Симонова просматривается сравнение советского плена и фашистского. Советский плен можно описать одним словом: *гуманность*. Согласно историческим данным, решения, принимаемые в отношении немецких военнопленных, соответствовали требованиям гуманитарного права. Режим военного плена в СССР регулировался «Положением о военнопленных» и инструкциями, принятыми в 1939 году. А 1 июля 1941 года ввели новое положение, гарантировавшее им жизнь и безопасность, питание и медицинскую помощь, также за ними сохранили ряд прав: носить военную форму, знаки различия, личные вещи и др. [1]. Никто и никогда не призывал солдат и командиров Красной Армии расправляться с пленными фашистами.

Но жестокость немцев вызывала у красноармейцев ненависть и желание отомстить (хотели только одного: *чтобы мы [Красная Армия] сделали с ними [фашистами] всё, что они сделали с нами, - так же гнали их, как они гнали нас, так же бомбили и расстреливали с воздуха, так же обходили и давили танками, так же окружали и душили без еды и патронов, так же вели в плен и так же не давали пощады* [5, с. 189]). Все стремились на фронт с одной целью - *бить эту фашистскую сволочь, бить, не жалея, до смерти... И пленных не брать! Пусть хоть под трибунал, всё равно!* [6, с. 158]. Однако командование сдерживало все попытки распра-

виться над немцами, чего К. Симонов не мог не отразить как реалист: «Пленных бить – злость недорогая!» Хотя командиры, бывшие в армии, признавали, что «трудно сдерживать солдата, когда он в Кузькове сам видел, как немцы наших живьем в избе подожгли, а мы ему говорим: не трогай!» [5, с. 412].

Несколько раз в романе «Солдатами не рождаются» употреблено слово *отходчивый*, с помощью которого К. Симонов показывает характер русского человека: *ещё слишком отходчивые у нас люди, если на вторые сутки после такой картины [освобождения немецкого лагеря] всё же пленных взяли. Взять в плен оценивается как действие гуманное. И люди сами это признают: Мы отходчивые. Сдадутся – и будешь им [немцам] раны перевязывать... а я буду тыловики гонять, чтоб пленным [немцам] всё до грамма...* [6, с. 477]. Нейтральное слово *отходчивый* в тексте актуализирует положительнооценочные смыслы.

Наверное, только знание об отходчивости души соотечественника позволило К. Симонову выразить в тексте прямо мысль, что фашисты *тоже люди, похожи на людей*. Писатель доносит её через главную героиню романа «Солдатами не рождаются», военврача Таню Овсянникову, которой пришлось одной остаться с пленными ранеными немцами: *... они [немцы] умирали или поправлялись, жадно и благодарно ели, стонали или терпели боль... показывали фотографии детей... Лежавшие в госпитале немцы были похожи на людей* [6, с. 606].

То, что в советском плену соблюдались права человека, признавали и сами военнопленные, хотя и считали себя в плену «недолгими гостями»:

они [немцы] думают, что их кормят, поят, не расстреливают и вообще по-человечески обращаются с ними только потому, что боятся мести... [3, с. 93]. Плен, таким образом, всегда связан с понятием ‘мечь’, пребывание в плену требует отмщения.

Совсем другое отношение к пленным было у фашистов. По данным архивных документов, судьба советских пленников определилась ещё до начала войны: согласно нацистской идеологии, военнослужащие Красной Армии «крайне опасны и коварны и полностью потеряли право на обращение как с достойными солдатами». Для политработников и комиссаров были разработаны особые меры, а любого другого военнопленного «следовало рассматривать как большевика, а поэтому на него смотрели как на нечеловека» [1].

Все описания К. Симоновым действий гитлеровцев на захваченных советских территориях или в фашистском плену по отношению к мирным жителям или военнопленным можно охарактеризовать деадъективами – лексемами с абстрактной семантикой ‘нравственности’ *жестокость* и *зверство* (см. *жестокый* – «Крайне суровый, безжалостный, беспощадный» [7]; *зверский* – «свойственный зверю, свирепый, жестокий» [7]).

Тексты романа «Живые и мёртвые» и рассказов К. Симонова насыщены лексическими единицами, отражающими жестокое обращение немцев к советским людям, участвующим в создании эмоционального поля ‘трагедия’: глаголы *избить*, *изрубить* (*фашисты изрубили на куски восемь раненых красноармейцев* [5, с. 232]), *отрубить* (*отрубить головы*), *пере-*

бить (*перебили*, как кур), поджечь, пожечь, пристрелить, раздавить (они обхватили их всех канатом, завели танк и под обший замирающий стон нечеловеческого ужаса **раздавили** всех детей), расправиться, растерзать, расстреливать (**расстреливали** босых на снегу), сжечь, уничтожить с центральной семьей 'убить', глаголы выколоть, избить, изрезать, исколоть (Гитлеровцы **избили** тяжело раненого санитаря прикладами, **искололи** штыками, **изрезали** лицо бритвой [5, с. 402]), надругаться, насиловать, отрезать, перерезать (Фашисты **надругались** над ранеными, **выкололи** у них глаза, **отрезали** носы и **перерезали** горло [5, с. 400]), пытать с семьей 'пытать', 'надругаться' а также заставить (так они [немцы] баб мины руками выкапывать **заставили** [5, с. 232]), покрикивать, гнать, прилагательное злее, наречия живьём, зверски (немецко-фашистские мерзавцы **зверски** расправляются с попадающими к ним в плен ранеными красноармейцами [5, с. 219]; ...обнаружил **зверски** истерзанные трупы красноармейцев... [5, с. 400]). О том, что гитлеровцы убивают тяжелораненых, Симонов писал в романе «Живые и мёртвые»: *Таких, которых пришлось бы нести, не было ни одного... всех тяжёлых немцы пристрелили на месте, в лесу* [5, с. 228], а также в своём дневнике «Разные дни войны»: *...вчера в бывшем родильном доме немцы живьём сожгли всех раненых военнопленных* [3, с. 403]. Такое отношение было результатом указаний немецкого командования: «раненым красноармейцам перевязки делать не следует, ибо немецкой армии некогда возиться с ранеными» [10, с. 209].

Глаголы *жечь*, *уничтожить* и *расправиться* писатель употребляет не только по отношению к людям, но и описывая захваченные немцами города: *Фашисты... уничтожили этот тихий старый город* [Смоленск], **расправились** с ним так, как, пожалуй, до сих пор – даже они – не расправлялись ещё ни с одним городом [4, с. 379] – и станции: *Немцы ... жгли станцию прямо на глазах* [5, с. 256].

Следует также отметить, какие лексические единицы использовал К. Симонов при характеристике советских военнослужащих, попавших в плен. В романе «Солдатами не рождаются» рассказывается об освобождённом лагере для советских военнопленных. Описание лагеря писатель предваряет словами «лагерь большой и в нём творится что-то невообразимое» [5, с. 451], то есть то, что для советского человека представить трудно. Подчёркнём, что это одно из самых сильных и эмоциональных мест в произведении. Добиться этого писатель смог с помощью лексических единиц, характеризующих пленных красноармейцев: *обмороженные, раздетые, до самых глаз заросшие бородами, слабые, измождённые, изголодавшиеся, дистрофики, при смерти от голода, по костям обтянутые кожей – непохожие на людей*.

Сравнение характеристик писателя, с одной стороны, «похожие на людей», относящейся к немецким военнопленным, и, с другой стороны, «непохожие на людей», относящейся к советским военнопленным, позволяет понять разницу между представлением К. Симоновым ментальности сражавшихся, обусловившую положение в плену красноармейцев и гитлеровцев. Глубинный контраст очевиден.

В описании освобождённого лагеря К. Симонов также прибегает к приёму контраста. Так, сравнение внешнего облика солдата Красной Армии до плена и найденного в фашистском лагере позволяет Симонову продемонстрировать антигуманность гитлеровской армии: *Бутусов был здоровый, лохматый, рыжий, мордастый, весёлый молодой человек, всегда вызывавшийся первым во все разведки... – Этот Бутусов был бритый больной старик, с неживым, синим лицом и лежавшими поверх одеяла тонкими, детскими ручками* [5, с. 479]. Контрастные слова, использованные автором в качестве лексического окружения имени *Бутусов*, являются средствами характеристики физического состояния героя: *здоровый* («Обладающий здоровьем, не больной» [7]) – *больной*; *здоровый* («Крепкого сложения, дюжий, сильный» [8]) – *с тонкими, детскими ручками; лохматый – бритый; мордастый* («прост., разг. С большой толстой мордой» [7]) – *с синим лицом*. Очевидно, что лексемы, представляющие состояние солдата до плена, имеют положительные коннотации, а после плена – отрицательные. Антонимическая пара *молодой человек – старик* выражает противопоставление по возрасту, но относится к одному человеку и отражает смену физического состояния героя вследствие пребывания в плену.

Также писатель, стремясь наиболее полно показать обстановку в лагере, употребляет слово *трупы* в синтагматике с прилагательными и причастиями *застывшие, затоптанные, ледяные, обледенелые, полуголые, полузаметённые*, а также с существительными с семантикой количества: *горы трупов,*

бугорки трупов (и на этой полосе и за ней, на снегу, бугорки трупов...), вал из трупов (ср. переносное значение к *гора* – «Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью» [8]).

Таким образом, Симонов, противопоставляя советский плен германскому, сумел показать различное отношение двух армий к врагу и, описывая жестокость немцев к военнопленным, мирному населению и к целым городам, показал цену победы над Германией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество, 1941-1945, книга вторая. – М.: Наука, 2004. – С. 232-264.
2. Русское предложение: компоненты с модальной, оценочной, экспрессивно-эмоциональной семантикой. Монография / под ред. П.А. Леканта. – М., 2006.
3. Симонов К. Разные дни войны (Дневник писателя). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litmir.net/bd/?b=70340> (дата обращения: 11.05.2014).
4. Симонов К. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 2. – М.: «Художественная литература», 1967. – 662 с.
5. Симонов К. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 4. – М.: «Художественная литература», 1968. – 671 с.
6. Симонов К. Собрание сочинений: в 6 т. – Т. 5. – М.: «Художественная литература», 1968. – 734 с.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. – М., 2007. – 860 с.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова [Электронный ресурс]. URL: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 11.05.2014).
9. Хлупина М.А. Слово *журналист* в оценке единицами предикатной лексики (на материале прозы С.Д. Довлатова) //

- Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». - № 6. - 2012. - М.: Изд-во МГОУ. - С. 34-38.
10. ЧГК. Документы обвиняют. Выпуск I. - М., 1943.
11. Шаповаленко Ю.В. Философское наполнение лексем с семантикой 'смерть' как особенность идиостиля Л.Н. Толстого// Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». - № 4. - 2010. - М.: Изд-во МГОУ. - С. 126-132.